

культуры. Сюда можно отнести появление таких фестивалей, как «Вобла», «Астраханская ушица», гастрономический тур «Изюминка Поволжья» и выпуск книги «Кулинарное путешествие в Каспийскую столицу».

Библиографический список

1. *Аксаков, И. С.* Письма из провинции / И. С. Аксаков. – М.: Правда, 1991.
2. *Жемчужины* // Комсомолец Каспия. – 1968, 27 апреля. – С. 6.
3. *Калед.* О каспийском рыболовстве / Калед. – СПб., 1863. – С. 133.
4. *Копылова, Э. В.* Ловецкое слово / Э. В. Копылова. – Волгоград, 1984. – С. 128.
5. *Копылова, Э. В.* Словарь рыбаков Волго-Каспия / Э. В. Копылова. – М., 2002. – С. 192.
6. *Селенский, Ю.* Слово о родном / Ю. Селенский. – Волгоград, 1976. – С. 173.
7. *Традиции* живая нить. – Астрахань, 2006. – Вып. 10. – С. 57.
8. *Традиции* живая нить. – Астрахань, 2007. – Вып. 13. – С. 52.
9. *Режим доступа:* www.jilkin.ru/news, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

АМЕРИКАНСКИЙ ФРОНТИР И РОССИЙСКИЕ АНАЛОГИИ В ПОВОЛЖЬЕ И НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

С.Н. Якушенков, О.С. Якушенкова¹
(Россия, г. Астрахань)

Статья посвящена анализу ситуации в зонах интенсивных культурных контактов в Америке и России. В американской литературе эти территории обычно определены как фронтир. Авторы статьи пытаются найти аналогии между двумя типами исторических контактов. Сравнительный анализ показывает много общего и различного в этих двух разных зонах. Русская колонизация Нижней Волги показывает совсем другие методы решения проблем взаимозависимости в регионе.

Ключевые слова: фронтир, США, национальная политика, колонизация, культурные контакты, форты, крепости, Нижняя Волга.

The article is devoted to the analyses of the situation in the zones of intensive cultural contacts in America and Russia. In American literature this territories usually are defined as Frontier. The authors of the article try to find analogies between two types of historical contacts. The comparative analyses shows a lot of common and difference in these two different zones.

The Russian colonization of the Low Volga region shows quite a different methods of solving problems of interrelations in the region.

Keywords: frontier, USA, national policy, colonization, cultural contacts, forts, fortresses, the Low Volga region.

На протяжении всемирной истории можно выделить периоды, в которых в разных уголках мира происходило соприкосновение двух и более разных по развитию культур. Такие локальные точки напряженности зачастую имеют довольно большую временную протяженность (от нескольких десятков лет до нескольких веков) и охватывают значительные географические территории.

Традиционно в англоязычной литературе такие территории принято называть термином «фронтир». Впервые это слово было использовано в конце XIX в. по отношению к огромной территории в центре Северной Америки, где шла интенсивная колонизация новых земель. Некоторая обобщенность термина сделала его популярным не только среди американских ученых, но и среди множества других людей кто изучал территории соприкосновения различных культур. Таким образом, он стал ис-

¹ Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. проект АГУ 02.740.11.0593 «Проблемы сохранения культурного наследия в полиэтническом регионе».

пользоваться, например, для территории интенсивных контактов английских колоний с местными княжествами в Индии [6, с. 13] в XIX в., для территорий испанских колоний и индейских земель в Латинской Америке [5] и т.д. Очень продуктивно этот термин использовался и нашими учеными по отношению к контактной территории в Сибири [1; 2; 3; 4].

Само слово «фронтир» произошло от французского *frontiere* и означало границу между двумя странами [9]. Поэтому изначально в термине фронтир преобладал именно географический принцип, что и будет показано позднее.

Несмотря на то, что данное слово широко использовалось в английском языке и раньше, о фронтире как об особом термине и феномене впервые заговорил Фредерик Дж. Тернер (1861–1932), преподаватель истории университета в Висконсине. Хотя в данный период законодателями науки были ученые Новой Англии, не случайно с новаторской идеей выступил житель Висконсина, штата, территория которого еще совсем недавно являлась своеобразным фронтиром. Для него это явление было настолько осязаемым и актуальным, что он одним из первых пришел к необходимости его формализации.

На встрече Американской исторической ассоциации в 1893 г. он выступил с докладом под названием «Значение Фронтира в американской истории» [10]. По мнению Тернера, невозможно понять американскую историю, не учитывая при этом территориальную, географическую, культурную и социологическую характеристики, являющиеся уникальными для американского континента. В своем осмыслении американской истории он приходит к выводу, что европейское наследие сказалось лишь на начальных этапах складывания американского общества, а собственно национальные корни следует искать в истории освоения Дикого Запада (Old West, Old Northwest).

По мнению Тернера, именно наличие Дикого Запада и стремление колонистов постоянно осваивать новые территории повлияло на формирование американской ментальности, именно тогда зарождается так называемая американская мечта, дух свободы, мобильность, авантюризм.

Важность изучения этой проблемы проистекала из ряда факторов. По мнению Тернера, фронтир в значительной степени рассматривался как полоса, где происходили военные столкновения, а его экономическая и социальная составляющая в расчет не брались [12, с. 3].

Кроме этого, как отмечал Р.А. Биллингтон, автор следующего по значимости труда, посвященного фронтису, концепция Тернера была своеобразным вызовом старым научным подходам, исключавшим влияние фактора окружающей среды из анализа общественных институтов.

Изучая фронтир, Тернер и Билингтон пытались привнести новое видение старой проблемы, которая так кардинально повлияла на формирование ментальности американцев и их политические и социальные институты [7, с. 1].

Другую причину обращения Тернера к этому вопросу мы находим у самого автора. Он выразил ее в одной из своих ранних работ в 1897 г.: «Дикий Запад, историческая Северо-западная территория, сейчас является Центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость (wilderness), прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков... Сегодня этот район является краеугольным камнем американского содружества. С 1860 г. большая часть населения Соединенных Штатов проживает в его пределах, а центр национальной промышленности располагается всего лишь в 8 милях от дома президента Мак-Кинли в Огайо. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к Западу от Нью-Йорка» [11, с. 433].

Таким образом, Дикий Запад и его население символизировали для Тернера силу, мощь и процветание Америки. Вместе с тем еще в своем первом докладе Ф. Тернер указывал на некое противоречие – в одном из отчетов Департамента статистики он обнаружил следующие слова, принадлежащие управляющему этого департамента: «До 1880 г. страна имела границу (frontier) поселений, но в настоящий момент неза-

селенная территория повсюду разбавлена изолированными островками поселений, вряд ли теперь уже можно говорить про линию фронта» [10, с. 1].

Таким образом, Тернером и его предшественниками фронтир воспринимался как линия между английскими французскими американскими поселениями и незаселенной территорией.

Правда, точнее было бы говорить, что фронтир – это граница между белыми поселениями и территорией индейских племен. К сожалению, Тернер и многие его последователи говорят об этом вскользь. Взгляд Тернера на фронтир – это взгляд белого на Америку, в которой нет места ее предыдущим насельникам.

По сути, в своем видении фронта Тернер следовал уже сложившемуся в американской фискальной системе представлению о фронтуре как о слабозаселенной территории. Бюро переписи США в 1790 г. определило фронтир как местность, на которой плотность населения не менее двух и не более шести постоянных жителей на квадратную милю [7, с. 3].

Следующее поколение американских историков следовало той же самой модели восприятия фронта, лишь несколько модифицируя ее. Одним из наиболее типичных и ярчайших примеров этого может служить основополагающий труд по американскому фронтуре Р.А. Биллингтона «Экспансия на Запад. История американского фронта».

Несмотря на некоторую методологическую слабость в подходе ко многим проблемам американской истории, и ее игнорирование собственно индейской истории и прав индейцев на землю, постановка Тернером проблемы фронта была, на наш взгляд, весьма продуктивной, что и вызвало стремление других ученых попытаться проанализировать свою историю с точки зрения проблемы фронта.

Несмотря на некоторую односторонность подхода американцев к проблеме фронта, как нам кажется, феномен фронта был и остается проблемой весьма актуальной. Изучение фронта помогает осознать проблему контактных зон в полной мере. Фронтир уже давно стал интересен историкам, социологам, культурологам, филологам и т.д.

Учитывая все сказанное, мы полагаем, что было бы полезно взглянуть на территорию Нижней Волги в XVI–XVII вв. с точки зрения традиции изучения фронта. После падения Казанского и Астраханского ханств (1552–1554 гг.) Среднее Поволжье и Нижняя Волга перешли под контроль России. В результате этих действий в состав России вошла огромная территория, которая лишь номинально стала русской, так как у Москвы не было возможностей ее контролировать в полной мере. Подобный контроль был возможен лишь при наличии множества гарнизонов на этой территории. И такие крепости начинают сооружаться. Они призваны контролировать стратегические пункты на новой территории. В 1555 г. Иван Грозный учредил новую стражу для контроля на «волжских перевозах». Эта задача по контролю за данной территорией была поручена стрельцам и казакам. Несмотря на некоторую мобильность подобных частей и наличие укреплений по всей территории от Волги практически до Крыма, эти земли оставались практически неосвоенными, находясь частично под контролем различных ногайских орд, кочевавших на этой территории и во многом реально ее контролировавших. Спасало ситуацию лишь то, что среди ногайцев не было единодушия, внутренние противоречия раздирали ногайцев, заставляя некоторых из них искать поддержки у Москвы.

Как нам кажется, в Поволжье возникла ситуация, близкая к ситуации американского фронта в XIX в. Претензии США на огромную территорию к западу от Миссисипи могли осуществиться лишь при наличии множества фортов на этой территории. Влияние американцев не простиралось дальше территории нескольких километров за пределами форта.

Правда, были и некоторые отличия. «Эпоха фортов» на американском фронтуре – явление относительно позднее. Ей предшествовал длительный период предфронта – эпоха трапперов (охотников и скупщиков меха), агентов торговых компаний и т.д. Это были одиночки, жившие согласно индейским традициям, женившиеся на

индианках, пользовавшиеся в результате этих браков покровительством племени, принимавшие язык и обычаи других народов. Примечательно, что чаще всего это были не англичане или американцы, а канадские французы.

Приток новых поселенцев на территорию к западу от Миссисипи потребовал от американских властей ужесточить контроль за этой территорией. Многие переселенцы просто не хотели осознавать необходимость жить по новым условиям, рассматривая индейские земли, на которых они селились, как свои собственные. 30 июня 1834 г. был принят закон о регулировании торговли и отношений с индейскими племенами и о поддержании мира на границе с Индейской территорией, которая навечно закреплялась за индейцами. Теперь ни один белый торговец не мог торговать на индейской земле без лицензии. Специальные агенты, выдававшие лицензии, должны были следить, чтобы их получали только достойные люди. Человеку с дурной репутацией отказывали в праве торговать на Индейской территории. Никому из белых также не позволялось переселяться на постоянное место жительства на индейские земли. На американскую армию возлагалась задача по наведению порядка на границе. Но еще до принятия этого закона, сотни и тысячи переселенцев уже переехали за установленную границу, поэтому в срочном порядке потребовалось передвинуть ее за 95 меридиан. Для «поддержания мира» американской армии предписывалось создать ряд фортов: Снеллинг на р. Миссисипи, Аткинсон и Ливенворт на р. Миссури, форт Гибсон и форт Смит на р. Арканзас, Таусон на р. Ред-Ривер и Джезап в Луизиане [8].

Но строительство новых факторий и военных фортов привело к противоположным результатам, дестабилизировав обстановку на фронтире. У американцев никогда не было реальной военной угрозы со стороны индейцев на фронтире. Форт не контролировал никаких ключевых пунктов, так как не существовало реальных стабильных торговых путей, таких как волжский путь. Напротив, стремление военных к чрезмерному контролю на подвластной им территории, как правило, приводило к столкновениям с индейцами.

Стремление России контроля на южном направлении исходило из необходимости обезопасить свои торговые интересы с Востоком через Астрахань. Наличие сильных противников в лице Крымского хана и ханов Малой ногайской орды делало волжские крепости и казачьи станицы единственной возможностью противостоять этим угрозам. Такие крепости, как Астрахань, не только не вносили диссонанс в отношениях с местным населением, но и часто служили для этого населения единственной защитой при нападении со стороны крымчан или малых ногаев. Правда, местному населению не разрешалось жить в этих крепостях, и они вынуждены были селиться рядом. Таким образом, два общества существовали рядом, не смешиваясь друг с другом: стрельцы за крепостными стенами, ногайцы – рядом за стенами. Так как им не разрешалось возводить стены вокруг своих селений, Астрахань и другие подобные крепости выступали гарантом безопасности для местного населения.

Помимо использования крепостей для поддержания стабильности, Москва прибегала к старой излюбленной тактике: подаркам ногайской знати и использование заложников (детей или других родственников знати). Подобная практика была совершенно незнакома на американском фронтире. Там американские военные полагались на силу, а не на дипломатические механизмы. Российская дипломатическая традиция взаимоотношений с кочевыми народами имела более давнюю историю, чем традиция отношений американцев с индейскими племенами на фронтире. Территория к западу от Миссисипи – это дикая территория, населенная дикими зверями и дикарями (Дикий Запад). Из сознания американцев сложно было вытеснить образ дикаря, о чем очень хорошо свидетельствуют слова американского президента Э. Джексона, заявившего, что у «индейцев нет ни ума, ни промышленности, ни морали, ни желания совершенствоваться» [14, с. 89]. Эти идеи высказывались не только президентом США, но и многими другими американцами, уверовавшими в их превосходство над другими народами и особенно индейцами, что в конечном итоге вылилось в так называемую Доктрину Явного Предначтения американской нации, избранной богом [14, с. 73–75]. Согласно этой доктрине, американцы имели все права на завоевание территории, им не принадлежавшей.

В отличие от американской модели, дети вождей кочевых народов очень часто становились частью аристократического общества. Между ними и русской аристократией не было непроходимой пропасти. Даже дети бывших противников Москвы могли найти там поддержку и покровительство. Достаточно упомянуть детей ногайского мурзы Юсупа, убитого его братом Исмаилом. В 1565 г. дядя отослал своих племянников Иль-Мурзу и Ибрагима в Москву, чтобы отдалить их от родной территории, тем самым лишив их возможности дальнейшей борьбы за власть. Несмотря на то, что чуть более десяти лет назад мурза Юсуп был противником Москвы, его дети были обласканы в столице и в дальнейшем получили княжеские титулы, положив основу знатному роду князей Юсуповых. Но Юсуповы не были исключением, подобное случалось и ранее. Тюркское происхождение имели и многие другие княжеские роды в России: Уваровы, Аракчеевы, Кутумовы, Шейдяковы и т.д.

В последней трети XIX в. фронт в США по сути превращается в совершенно новое уникальное явление – постфронт. Индейцы оказываются замиренены и помещены в резервации. Многих индейских вождей приглашают в Белый дом и внимательно выслушивают их жалобы. Индейские дети начинают посещать школы в резервациях, возникает не многочисленная, но все же индейская интеллигенция.

Американцы начинают переосмысливать свое еще недавнее «героическое» прошлое и все чаще слышатся голоса в защиту индейцев. Прошло всего лишь 50 лет после индейских восстаний 60-х гг., но сознание американцев изменилось кардинальным образом.

Южный фронт в России развивался совершенно по другому сценарию. В первой половине XVII в. к уже имеющемуся кочевому компоненту (ногайцам) добавился еще новый – калмыки, и Москве пришлось лавировать между старыми союзниками и новыми. Появление сильного и многочисленного народа в сложном регионе, который к началу XVII в. только начинал обретать стабильность, полностью дестабилизировало обстановку в южном направлении. Москве пришлось искать новые формы взаимоотношений с новыми союзниками.

К сожалению, Москве так и не удалось найти их, Москву постоянно беспокоил еще один нестабильный союзник – казаки. Эти люди фронта – настоящие фронтирмены – не могли и не желали жить в мире со своими кочевыми соседями. Да те и не давали повода для ощущения мирной жизни, нападая на станицы, угоняя лошадей, беря в плен женщин и детей. В этом плане ситуация на Нижней Волге была во многом идентичной американской ситуации на фронте в первой половине XIX в.: враждующие друг с другом индейцы, переселенцы, военные – у каждого была своя правда, свои интересы, свои методы решения конфликтов.

Местная администрация на Нижней Волге просто не успевала решать все споры сторон, и казаки, и калмыки хотели жить по своим собственным законам (хотелось бы сказать, «законам револьвера», но он к тому времени еще не был изобретен). Более того, часто бывшие противники (калмыки и ногайцы) объединялись для нападения на русские крепости, селения и казачьи станицы.

В 70-е г XVII в. нестабильность здесь усиливается из-за восстания разинцев.

Некоторого мира и стабильности на Нижней Волге удалось достичь лишь в XVIII в., в петровскую эпоху, хотя эта территория не перестала быть фронтиром: численность русского населения была явно незначительной, количество городов и крупных поселений также мало. Эта территория все еще оставалась плохо обжитым краем, контактной зоной разных народов, где царили свои законы. Как гласила поговорка того времени: «На Волге жить – ворами слыть». Здесь русская речь перемежалась татарской, калмыцкой, черкесской, украинской или персидской. В этом культурном пограничье, как в плавильном котле, формировался свой новый этнический характер, со своими традициями, предпочтениями, говором и норовом.

Но, как нам кажется, сравнивая американский фронт с ситуацией на Нижней Волге, невольно приходишь к выводу, что между этими двумя типами пограничья нет прямых аналогий при множестве мелких совпадений. В России никогда не было предфронта, то есть ситуации, аналогичной той, когда на территории индейских племен существовали лишь немногочисленные фактории белых охотников или торговцев. Изначально на этой территории существовали свои государственные объеди-

нения (Астраханское ханство, Большая и Малая ногайские орды), и России приходилось учитывать эту специфику. Если к созданию фортов Америка подошла на фронтире относительно поздно, то Россия вынуждена была создавать здесь свои крепости сразу же после перехода этой территории по ее контроль.

Переход к постфронтиру в России так и не наступил. В Штатах постфронтир означал переоценку действий американцев на территории к западу от Миссисипи, созданию индейской элиты, аккультурацию индейских племен, поиск американской самобытности с индейскими корнями и индейской истории. В России тюркская элита признавалась и инкорпорировалась с самого начала, русские или национальные школы на территории татар, ногайцев или калмыков начали действовать очень поздно, хотя местная национальная элита постепенно формировалась, достаточно вспомнить калмыцкого хана Тюменя, которого посетил французский писатель А. Дюма.

И все же, несмотря на множество несовпадений и даже кардинальных различий, сопоставление американского фронта с российским аналогом на Нижней Волге дает нам богатую пищу для размышлений, и, главное, позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к нашей истории. Вот некоторые из них: изучение гендерной истории российского фронта, использование постколониальной теории для анализа процессов культурной коммуникации, изучение образа Другого и Чужого, изучение проблемы работорговли в этом регионе и т.д.

К сожалению, многие из подобных вопросов так и остались неисследованными в отечественной историографии. В основном упор делался на изучение лишь государственной политики Москвы по отношению к кочевым народам, анализу системы действий и противодействий. Однако такой подход создавал однобокую картину отношений в этом регионе.

Выход за рамки традиционных подходов к изучению установления влияния России на ее южных рубежах поможет лучше понять законы формирования культурного пространства в этом регионе.

Библиографический список

1. *Агеев, А. Д.* Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома / А. Д. Агеев // Американский и сибирский фронт. – Вып. 2. – Томск, 1997. – С. 30–35.
2. *Агеев, А. Д.* Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М., 2005.
3. *Белаш, Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Белаш // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–89.
4. *Шиловский, М. В.* Фронт и переселения (сибирский опыт) / М. В. Шиловский // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVI–XX вв. – Новосибирск, 2003.
5. *Bannon, J. F.* The Spanish borderlands frontier, 1513–1821 / J. F. Bannon. – New Mexico, 1974.
6. *Barthorp, M.* The North-West Frontier – British India and Afghanistan: A Pictorial History 1839–1947 / M. Barthorp. – Dorset, 1982.
7. *Billington, R. A.* Westward Expansion: A History of the American Frontier / R. A. Billington. – N.Y., 1960. – P. 1.
8. *Field, R.* Forts of the American Frontier 1820–1991: The Southern Plains and Southwest (Osprey Fortress 54) / R. Field. – N.Y., 2006.
9. *Merriam-Webster* Dictionary. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/frontier> 28.04.2009, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.
10. *Turner, F. J.* The Significance of the Frontier in American History / F. J. Turner. – Chicago, 1893.
11. *Turner, F. J.* Dominant forces in West life / F. J. Turner // The Atlantic monthly. – 1987. – № 79 (474). – P. 433–443.
12. *Turner, F. J.* The frontier in American history / F. J. Turner. – N.Y., 1996. – P. 3.
13. *Schofield, V.* Afghan frontier: feuding and fighting in Central Asia / V. Schofield. – N.Y., 2003.
14. *White, R.* A New History of the American West / R. White. – Norman, 1991.